

Жаренкова Татьяна Васильевна

магистрант

Научный руководитель

Фастова Марина Андреевна

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный

социальный университет»

г. Москва

САМОЗАНЯТЫЕ ГРАЖДАНЕ РОССИИ: СМЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ТРУДА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в статье проводится комплексный социально-правовой анализ режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) в Российской Федерации по состоянию на 2026 год. Исследуется трансформация экспериментального налогового режима в фундаментальный элемент национального рынка труда, охватывающий более 15,2 млн граждан. Основное внимание уделяется междисциплинарным проблемам на стыке трудового и предпринимательского права. Рассматриваются риски «прекаризации» занятости – формирования слоя населения без стабильных социальных гарантий, оплачиваемых отпусков и больничных. Анализируются системные барьеры в банковском секторе (115-ФЗ) и сложности судебной защиты интересов самозанятых. Особое место занимает вопрос «ловушки бедности», создаваемой статичным лимитом дохода в 2,4 млн рублей, который в условиях инфляции стал препятствием для легального масштабирования микробизнеса. Обоснована необходимость институционализации статуса самозанятого, внедрения механизмов обязательного гибкого социального страхования и профессионализации судебных споров.

Ключевые слова: самозанятые, налог на профессиональный доход, прекариат, социальная защита, трудовое право, предпринимательство, цифровые платформы.

Режим самозанятости часто преподносится как символ свободы: «работай из любой точки мира», «будь сам себе начальником». Но к 2026 году стало очевидно, что эта свобода имеет обратную сторону – полный переход всех рисков на плечи самого гражданина. Если классический работник защищен профсоюзами и государственным надзором, то самозанятый остается один на один с проблемами рынка. Это порождает несколько глубоких противоречий. Во-первых, большая часть самозанятых сегодня – это не свободные художники, а «винтики» огромных цифровых платформ (курьеры, водители, мастера по ремонту, продавцы на маркетплейсах). Платформа не является работодателем, но она диктует цену, штрафует за опоздания и может «отключить» человека от дохода в один клик. Мы видим ситуацию, где вместо живого начальника человеком управляет программа. В научной литературе это называют «новой зависимостью», где прав меньше, чем у рабочего на заводе XIX века, а контроль – тотальнее.

Во-вторых, лимит дохода в 2,4 млн рублей в год не менялся с самого начала эксперимента (2019 г.). С учетом инфляции к 2026 году эта сумма стала серьезным барьером для развития. Но как только самозанятый начинает работать успешно и «расти», система выталкивает его в зону индивидуального предпринимательства, где налоги выше, а отчетность сложнее. Это создает «ловушку бедности»: многим выгоднее оставаться мелкими игроками и скрывать часть доходов, чем переходить на следующий уровень и становиться полноценным бизнесом [7].

Многие эксперты задаются вопросом: является ли НПД долгосрочной стратегией или это просто способ государства «посчитать» всех, кто раньше работал за наличные? К 2026 году данные о каждом чеке самозанятого мгновенно попадают в систему контроля. Человек становится «прозрачным» для государства. Если завтра правила изменятся или налоги вырастут, «вернуться в тень» будет уже практически невозможно, так как цифровой след уже оставлен.

То, что в 2019 году начиналось как локальный налоговый эксперимент в четырех регионах, к 2026 году превратилось в фундамент российского рынка труда. Если в 2024 году мы говорили о 10 миллионах участников, то к середине

2026 года число плательщиков налога на профессиональный доход (НПД) перешагнуло отметку в 15,2 миллиона человек. По данным ФНС России, сегодня самозанятые обеспечивают значительную долю услуг в строительстве, логистике и IT, а их суммарный доход за прошлый год превысил 3 триллиона рублей. Однако стремительный рост обнажил глубокий системный конфликт. Самозанятость создала уникальный для российского права слой граждан, находящихся в своего рода «юридической пограничности».

Основная проблема введения этого режима заключается в его гибридности. Самозанятый – это «человек-оркестр», который в глазах закона застрял между двумя классическими ролями.

1. Не наемный работник – на него не распространяется Трудовой кодекс. У него нет гарантированных выходных, оплачиваемых отпусков и защиты от внезапного увольнения.

2. Не полноценный предприниматель – его возможности ограничены лимитом дохода (2,4 млн рублей в год), запретом на наем штата и специфическим статусом в судах.

К 2026 году государство перешло от политики «мягкого вовлечения» к этапу структуризации. Введение с 1 января 2026 года эксперимента по добровольному социальному страхованию (№456-ФЗ от 15.12.2025) стало первой попыткой дать самозанятым подобие больничных. Это признание того, что «серая зона» больше не может оставаться полностью вне системы социальной защиты.

При этом бизнес продолжает использовать режим как инструмент оптимизации. Компании всё чаще отказываются от классического найма в пользу модели экономики по требованию, где вместо сотрудника покупается конкретная услуга. Это порождает жесткое противодействие со стороны контролирующих органов: ФНС в 2026 году использует нейросети для выявления скрытых трудовых отношений, анализируя регулярность выплат и геолокацию чеков [6].

Таким образом, введение НПД перестало быть просто вопросом налогов. Это масштабная перестройка социальных связей, где личная свобода и низкая

ставка (4–6%) вступают в конфликт с потребностью в защищенности и честной конкуренции на рынке.

Одной из самых серьезных междисциплинарных проблем самозанятости является разрыв между трудовым и социальным правом. В классической трудовой модели работодатель выступает «социальным агентом»: он удерживает и перечисляет взносы, обеспечивая сотруднику страховку на случай болезни, рождения ребенка или старости. В режиме НПД эта связь разорвана. Самозанятый платит только за право легально работать, но не за право быть защищенным государством [11].

К 2026 году ситуация с краткосрочной социальной защитой остается неоднозначной. В отличие от штатных сотрудников, самозанятый не застрахован в системе обязательного социального страхования по умолчанию. Если дизайнер на фрилансе ломает руку и не может работать две недели, его доход падает до нуля, а никаких компенсаций от государства он не получает. С 1 января 2026 года в силу вступили поправки, позволяющие самозанятым добровольно платить взносы на случай временной нетрудоспособности. Однако, по данным опросов, более 70% самозанятых считают ежемесячный платеж обременительным. Для женщин-самозанятых это становится критической проблемой. Чтобы получить пособие по беременности и родам, им нужно заблаговременно (минимум за год) вступить в добровольные отношения с Социальным фондом и исправно платить взносы. Многие узнают об этом слишком поздно, оставаясь без значительной части государственной поддержки.

Пенсионный вопрос – это «мина замедленного действия» всей реформы НПД. Налог в 4% или 6% физически не может содержать в себе пенсионные отчисления (для сравнения: обычный работодатель платит в СФР 22% от фонда оплаты труда).

Годы, проведенные в статусе самозанятого, попросту «выпадают» из страхового стажа. Для получения страховой пенсии к 2026 году требуется минимум 15 лет стажа и определенное количество пенсионных коэффициентов (ИПК). Самозанятый, работающий так 10 лет и не платящий взносы, в 60–65 лет обнаружит,

что его стаж равен нулю. Закон позволяет самозанятым самостоятельно «покупать» стаж (в 2026 году стоимость одного года стажа составляет фиксированную сумму, привязанную к МРОТ). Но, согласно статистике СФР, добровольные взносы делают менее 5% от общего числа самозанятых. Те, кто не набрал стаж, смогут претендовать только на социальную пенсию.

Социальная пенсия не только значительно ниже страховой по размеру, но и назначается на 5 лет позже установленного пенсионного возраста. Это создает прямую угрозу бедности для миллионов людей в будущем.

Несмотря на законодательное разрешение, работа крупного бизнеса с самозанятыми напоминает ходьбу по минному полю. Основные барьеры лежат не в плоскости желания сторон, а в системных ограничениях банковского и судебного секторов.

Главным «врагом» самозанятого часто становится не налоговая, а автоматизированная система банковского мониторинга. Банки обязаны исполнять Федеральный закон №115-ФЗ (о противодействии отмыванию доходов). Если компания переводит крупную сумму (например, 200–300 тысяч рублей) на счет физического лица, система часто маркирует это как «обналичивание». Алгоритмы банков настроены на поиск подозрительных операций, а самозанятый, получающий нерегулярные крупные платежи, идеально вписывается в профиль нарушителя. В отличие от компаний, у самозанятого нет штата юристов. При блокировке счета ему приходится лично предоставлять «кипу» доказательств: договоры, акты, скриншоты переписки с заказчиком, фотографии результата работы и даже подтверждение закупки материалов. Хотя Центробанк в своих письмах призывает банки не блокировать самозанятых бездумно, на практике «разморозка» счета может занимать недели, что для микробизнеса означает финансовую смерть [4].

Если заказчик не платит по договору, самозанятый сталкивается с процессуальной несправедливостью. Важный момент также заключается в месте разрешения конфликтов. Споры между ИП/компаниями рассматриваются в арбитражных судах, процессы идут быстрее, есть электронный документооборот и судьи

специализируются именно на коммерции. Поскольку самозанятый без статуса ИП остается «физическим лицом», большинство споров уходит в суды общей юрисдикции (ст. 22 ГПК РФ). Там его иск попадает в одну очередь с делами о разводах, кражах и спорах о заборах на дачах. Рассмотрение дела может затянуться на 6–10 месяцев против 3–4 в арбитраже. Судьи общей юрисдикции реже сталкиваются со спецификой B2B-контрактов (например, сложной разработкой ПО или маркетинговыми стратегиями), что повышает риск некомпетентного решения [12].

В научной литературе эксперты указывают на незавершенность интеграции самозанятых в экосистему малого и среднего предпринимательства. Согласно Закону №209-ФЗ, самозанятые получили доступ к некоторым мерам поддержки МСП (льготная аренда, участие в госзакупках). Но крупные фирмы боятся риска переквалификации отношений. Если ФНС решит, что самозанятый – это «замаскированный» сотрудник, компании доначислят налоги за все время работы. Из-за отсутствия четкого «профессионального» статуса (как у ИП), самозанятый воспринимается бизнесом как «нестабильный элемент», от которого проще отказаться в пользу более дорогого, но «безопасного» подрядчика со статусом ИП или ООО.

Понятие «прекариат» (от англ. precarious – рискованный, нестабильный) описывает людей, чья жизнь лишена устойчивости. Академики РАН выделяют самозанятых как одну из самых ярких групп этого сословия.

Прекариат это новый социальный класс, главная черта которого – тотальная нестабильность. Если пролетариат в XX веке имел постоянную работу, профсоюзы и социальные гарантии, то прекариат лишен этого «фундамента». У этих людей нет оплачиваемых отпусков, больничных и пенсионных отчислений со стороны работодателя. Работа по краткосрочным договорам, «нулевым» контрактам или вообще без оформления. Из-за нерегулярных доходов представителям этого класса сложно планировать бюджет и получать кредиты. Человек часто не может ответить на вопрос «кто я по профессии?», так как сегодня он курьер, завтра – копирайтер, а послезавтра – таксист.

Британский экономист Гай Стэндинг, автор термина, делит прекариат на три группы.

1. «Старики» – бывшие рабочие, потерявшие стабильность из-за закрытия заводов.
2. Мигранты – люди без гражданства и прав, готовые на любую подработку.
3. Образованная молодежь – выпускники вузов, которые не могут найти постоянную работу по специальности и вынуждены перебиваться случайными заказами.

В России к прекариату часто относят большинство самозанятых, фрилансеров и сотрудников платформ. Академик РАН Жан Тощенко называет прекариат «социальным громоотводом». С одной стороны, эти люди выручают экономику, быстро подстраиваясь под спрос. С другой – они постоянно находятся в состоянии стресса. Отсутствие уверенности в завтрашнем дне ведет к психологическому выгоранию и социальной апатии. Люди перестают верить в государственные институты, так как чувствуют, что система их не защищает. Стэндинг называет прекариат «опасным классом», потому что его представители склонны к радикальным протестам – им попросту нечего терять, кроме своих временных контрактов.

Главная черта прекария – отсутствие долгосрочной связи с работодателем или государством. В отличие от штатного сотрудника, самозанятый не включен в коллектив, у него нет профессиональной среды, которая защитила бы его интересы. Человек сам себе и юрист, и бухгалтер, и курьер. Тощенко называет это «отчуждением от профессионализма»: человек вынужден тратить 50% времени не на созидание, а на поиск заказов и администрирование своего статуса.

Жан Тощенко справедливо замечает, что самозанятость – это палка о двух концах. С одной стороны – гибкий график, с другой – «размывание» времени. Психологи отмечают, что у самозанятых исчезает деление на «дом» и «работу». Это ведет к состоянию постоянной мобилизации. Выходной воспринимается не как отдых, а как «недополученная прибыль. Отсутствие предсказуемости рождает хроническую тревогу. В 2026 году этот феномен называют «тревогой

ожидания»: самозанятый постоянно проверяет уведомления в приложениях (маркетплейсах, агрегаторах), опасаясь пропустить заказ или получить плохой рейтинг. Рейтинг становится новым «начальником», который гораздо беспощаднее живого человека. Академик Тощенко подчеркивает: прекариат – это первая жертва любого экономического спада. В кризис компании первым делом сокращают расходы на внешних подрядчиков. Самозанятые не могут уйти под защиту Трудового кодекса или получить выплаты по сокращению. Они просто «исчезают» из платежных ведомостей бизнеса.

Из-за неуверенности в завтрашнем дне самозанятые переходят на модель сверхэкономного потребления. Они реже берут ипотеку и крупные кредиты, так как не могут гарантировать доход на годы вперед. Люди не вкладываются в свое долгосрочное развитие (обучение, здоровье), предпочитая копить «на черный день». Это тормозит развитие человеческого капитала в стране.

Если рассматривать статус самозанятого не как «удобное приложение в телефоне», а как серьезный социально-экономический инструмент, то к 2026 году обозначились пять ключевых проблем. Они находятся на стыке трудового права и малого бизнеса.

Скрытая трудовая эксплуатация – самая масштабная проблема для государства и самих граждан. Крупный бизнес часто принуждает сотрудников переходить на НПД, чтобы не платить страховые взносы (30%) и не предоставлять социальные гарантии. Человек продолжает ходить в офис к 9:00, подчиняться начальнику и работать на оборудовании фирмы, но юридически он – «независимый подрядчик». При любом конфликте такого «сотрудника» выставляют за дверь без выходного пособия. По данным проверок Роструда и ФНС, ежегодно выявляются тысячи случаев, когда самозанятость используется как инструмент обхода Трудового кодекса.

Самозанятые находятся вне системы обязательного социального страхования. Это создает проблему «отложенного кризиса». В налог (4–6%) не входят пенсионные отчисления. Если самозанятый не платит взносы в Социальный фонд добровольно (а это делают менее 5% от общего числа), его стаж равен нулю.

В будущем это приведет к появлению миллионов пожилых людей с минимальной социальной пенсией. К 2026 году запущен эксперимент по добровольному страхованию, но он платный и не покрывает все риски. Больничный лист для большинства самозанятых – просто дни без дохода.

Несмотря на легальный статус, банки до сих пор относятся к самозанятым с подозрением. Поступление крупных сумм от юридических лиц часто расценивается алгоритмами как «обналичивание». Самозанятому приходится доказывать реальность каждой сделки, предоставляя переписки и акты. Даже при высоком доходе самозанятому в 2026 году всё еще сложнее получить ипотеку, чем человеку с официальной справкой 2-НДФЛ. Банки считают такой доход «нестабильным».

Лимит выручки в 2,4 млн рублей в год не менялся с 2019 года. С учетом инфляции последних лет эта сумма стала серьезным барьером. Как только микробизнес начинает расти, он упирается в этот порог. Переход на статус ИП с другими налоговыми режимами пугает сложностью отчетности и кратным ростом налогов. Это провоцирует «дробление» доходов или уход части выручки в тень, чтобы не потерять выгодный статус самозанятого.

Самозанятый без статуса ИП в юридическом смысле остается «просто гражданином», что создает проблемы в обе стороны. Если самозанятый оказал плохую услугу, закон «О защите прав потребителей» (ЗоЗПП) срабатывает не всегда. Суды часто рассматривают это как спор двух физлиц, где нет штрафа 50% за отказ платить и упрощенного доказывания. Если заказчик не платит, самозанятый идет в суд общей юрисдикции, а не в арбитраж. Это дольше, дороже и менее профессионально в вопросах бизнеса.

В социологии (согласно работам академика Ж. Тощенко) это называется прекаризацией – созданием класса людей, лишенных стабильности. Самозанятость дала свободу, но отобрала «фундамент». Главная проблема 2026 года – как сделать этот статус профессиональным, сохранив его простоту, но добавив в него реальную социальную защиту.

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» №51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 11.03.2024).
2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по добровольному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности для плательщиков налога на профессиональный доход» №456-ФЗ от 15.12.2025.
3. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» №422-ФЗ от 27.11.2018 (ред. от 28.12.2022).
4. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» №115-ФЗ от 07.08.2001 (ред. от 11.03.2024).
5. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» №209-ФЗ от 24.07.2007 (ред. от 12.12.2023).
6. Правовое регулирование рыночной экономики (на примере транспортной отрасли): учебник / С.Н. Артамонова, С.В. Борисова, Е.В. Гоц [и др.]. – М.: КноРус, 2023. – 690 с. EDN VRIHNM
7. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22. №1(110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ
8. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – №6. – С. 54–62. EDN NPKRTA
9. Непрерывное образование как условие повышения эффективности контроля (надзора) на транспорте в условиях санкций / А.И. Землин, Е.Г. Багреева, С.В. Карпова, О.М. Землина // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17. №4. – С. 53–63. DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-4-53-63. EDN ZKBTKL

10. Организационно-правовые основы противодействия коррупции (с практикой): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 290 с.

11. Колоколова Д.А. Недопустимость подмены трудовых отношений гражданско-правовыми / Д.А. Колоколова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – №4(44). – С. 224–227. EDN WVJLCL

12. Колоколова Д.А. Проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере АПК и предложения по совершенствованию ее регулирования в муниципальном районе / Д.А. Колоколова, О.В. Саратова // Молодежный вектор развития аграрной науки: материалы 73-й нац. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов. – Воронеж: Воронежский ГАУ, 2022. – С. 449–456. EDN MTXWTY

13. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 г.). – М.: Российский университет транспорта, 2021. – С. 241–249. EDN PBDDMP